Для цитирования: Миронов А. В. Маргинальное поведение в ракурсе морально-политической конфронтации // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 34–41.

УДК 1:3 + 177.8

МАРГИНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РАКУРСЕ МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ

Миронов Андрей Владимирович,
Севастопольский государственный университет,
Институт общественных наук
и международных отношений,
профессор кафедры политологии
и международных отношений,
доктор философских наук, доцент.
Российская Федерация, 299053, г. Севастополь,
ул. Университетская, 33.
E-mail: andreyvmironov@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются особенности становления маргинальной модели поведения, сложившейся в результате морально-политической конфронтации индивида с общественной системой через отказ от общепринятых ценностных стандартов социальной коммуникации; выделяются структурные составляющие данного феномена, причины возникновения и особенности развития. Акцент делается на социальном одиночестве маргинальной личности, возникающем в результате несовпадения ценностных параметров индивидуального и общественного существования. В исследовании приводятся исторические примеры, в которых раскрываются особенности проявления бесстыдства в поведении индивида как символа личностного политического несогласия с установленными общественными нормами. Модель маргинального поведения трактуется во взаимосвязи отрицания моральных принципов и латентного политического протеста.

Ключевые понятия:
маргинальная личность,
самоизоляция,
морально-политическая конфронтация,
бесстыдство,
социальное одиночество.

Достижение социального единства является первостепенной целью конструктивного сотрудничества между гражданскими институтами и государством. Актуальность этого процесса обусловлена политической напряженностью в обществе, внешними угрозами, экономическими трудностями, деформацией нравственных принципов, препятствующих эффективному развитию социальной системы. Моральные прерогативы, исторически сложившиеся в социуме, служат основаниями для реализации данных усилий, так как определяют характер и наполненность межличностной коммуникации, формы общественного контроля, содержательность государственных требований. Они являют собой общезначимые положения для большинства населения и представляют ценностный каркас идентификаций человека с данной социальной средой, способствуют национальной и гражданской консолидации. Сознательный отказ от участия в общественной деятельности, эпатажное отрицание общепринятых ценностей, выражение публичного сомнения в их истинности разрушают атмосферу доверия и согласия между гражданами, затрагивая не только нравственные взаимоотношения, но и выступая в качестве политического вызова. Тем самым, формируется потребность в этическом анализе маргинального поведения, в котором совмещаются негативные оценки социальных норм, доминирующих в обществе, и личностная позиция в отношении государства, контролирующего их выполнение на протяжении исторического развития.

Задачей исследования является: 1. Определение причинно-следственного взаимодействия политических и моральных составляющих феномена маргинального поведения. 2. Установление диапазона воздействия такого поведения на духовную атмосферу в обществе. Метод историко-сравнительного анализа позволяет определить генезис проблемы, обстоятельства, инициирующие ее переход из одной качественной фазы в другую, выделить значимые константы во взаимодействии морали и политики. Применение комплексного метода расширяет границы философского исследования путем привлечения исторических и религиоведческих материалов. Выбор анализируемых исторических периодов продиктован поиском очевидных примеров взаимовлияния моральной и политической сфер в границах маргинального поведения. В исследовании не рассматриваются проявления маргинализма, возникшие по

причине психопатологии, наркотической и алкогольной зависимости, экономических обстоятельств, житейских ситуаций.

Тема исследования маргинального поведения широко представлена в литературе, посвященной исследованию различных ракурсов социальной адаптации. Наибольший интерес к этой проблеме проявляет социология, рассматривая место маргинальной личности в социальной структуре, аспекты взаимовлияния общественной среды и маргинальной личности: работы З. Баумана [3], Я. И. Гилинского [4], О. С. Осиповой [14], Е. Стонеквист [21], Ч. Голдберг [19]. Правовые последствия маргинального поведения, причинно-следственная связь маргинального поведения и криминализации общества отражены в работах А. И. Атоян [1], Р. Ф. Степаненко [18], О. В. Нечаева [12], А. А. Никитина [13]. Маргинальные проявления нашли отражение как в литературных произведениях Ж. П. Сартра [15], А. Камю [9], Ж. Жене [6], где очерчена эмоциональная составляющая личности, не нашедшей согласия с социальным миром и переживающей общественные потрясения в состоянии духовной изоляции, так и в теоретических исследованиях в области культурологии, исследующих формы их воплощения в различных жанрах: в работах В. Л. Каганского [8], С. М. Логачевой [11].

Соблюдение правил и обычаев, сложившихся в обществе на протяжении исторического развития европейской цивилизации, считалось основанием сопричастности индивида с социальным объединением. Отказ или уклонение от их исполнения рассматривалось большинством населения как тяжкое оскорбление всех его членов. Осуждение и наказание за подобное служило средством поддержания жизнестойкости общественной системы и защищало граждан от опасностей потенциального хаоса. Разрыв с общепринятыми поведенческими установками, выраженный в теоретических положениях или практическом воплощении трансформировался в нежелание адаптироваться с предлагаемыми формами социального существования. Это становилось прецедентом общественной жизни и нуждалось в адекватной реакции со стороны большинства. Определяющим аспектом феномена маргинального поведения является сознательный или аффективный отказ индивида от участия в социальной деятельности, выраженный в неприятии общезначимых ценностей, сложившихся правил, установленных норм совместного существования, большая часть которых носит сакральный характер в массовом сознании и на основе которых реализуется совместное взаимодействие. Сущность данной мировоззренческой модели раскрывается в личностном или групповом противостоянии с основными формами общественного бытия: религиозной, моральной, политической – выраженном в демонстрационном несогласии или оскорбительном неуважении. Существующая между формами взаимосвязь не позволяет воспринимать их по отдельности, и, таким образом, единая конфигурация социального организма разрушается во всех направлениях общественного сознания. Дистанцирование от общественной системы, существование в социальном вакууме обуславливает формирование особого маргинального мировосприятия, в котором основные виды коммуникации между гражданами наполняются содержанием, не совпадающим с общепринятыми положениями.

Мотивацией к пренебрежению морально-политическими принципами, которые призваны объединить гражданина и государство, является неудовлетворенность условиями индивидуальной реализации, официальная ложь, несовпадение реального и декларируемого обществом, материальное расслоение. Она возникает в процессе установления контактов человека с несовершенным устройством социального мира. Выражение личного протеста, обозначающего несогласие с установившимся общественным порядком, подается с помощью опознавательных знаков, предупреждающих окружающих об отказе считаться своим. Различные исторические эпохи имеют свои атрибутивные особенности внешнего вида, поведения, словесного выражения. Они раскрываются в межличностной коммуникации и отношении с социальными институтами через презрение, цинизм, агрессию, подчеркнутую непочтительность, непристойные действия, касающиеся не только бытового поведения, но и общезначимых ценностей, принятых большинством населения, тем самым нанося оскорбление общественной нравственности. Подобная демонстрация символизирует отрицание общей платформы взаимодействия, что является показателем утраты доверия к знаковым авторитетам, к которым относятся церковь, мораль, государство. Обособление индивида от социальной системы расширяет выбор векторов противостояния с ней, допуская косвенные враждебные действия, способные причинить ущерб государственной стабильности: примеры духовного разложения, критика общественных

начинаний, циничное отношение к фактам национальной истории. На этом основании можно допустить, что маргинализм как поведенческая модель существования в обществе содержит деструктивный импульс в отношении политической устойчивости. При этом фокусирует внимание общества на реальных противоречиях между индивидом и государством.

Оценочные критерии приемлемого и недопустимого в поступках индивида исторически определялись идеями всеобщего блага, призванными обеспечить конструктивную взаимосвязь между согражданами и, как следствие, создать условия поддержания системы общественных отношений. Чувство стыда, испытываемое человеком при нарушении установленных норм поведения, служило эффективной формой социальной регуляции. В его основе – конфликт представлений о должном, преподанных обществом и возникшим отступлением от его параметров. Стыд корректирует взаимоисключающие атрибуты позиционирования своего «Я» в целостной модели общественного пространства, обозначая ситуативные опасности перехода в своеволие и утрату ответственности перед другими. Данное чувство выступает защитным барьером от разрушения наиболее важных положений, принятых в социуме. Его потенциал использовался в качестве побуждения гражданина к выполнению своих морально-политических обязательств, гражданской деятельности, направленных на уважение к другим через уважение к целому, каким представлялось государство.

В маргинальном сознании протестное чувство сталкивается с охранительной функцией социальной системы – стыдом, порождая альтернативные формы трансляции собственного мнения. Бесстыдство выступает матрицей предъявления претензий к обществу, распространяясь на значимые сферы социализации индивида: патриотизм, сексуальные и семейные отношения, религиозные культы, сохранение национальной памяти. Оно включает сознательное неприятие моральных правил, переходящее в откровенное их оскорбление и логически переносится в виде негативного посыла в социальную сферу, которая отождествляется с государственными проявлениями репрессивности и принуждения, препятствующими личной свободе. Конфликт с обществом принимает очертания конфликта политического, так как необходимость в социальном признании перестает быть насущной потребностью, формируя атмосферу разочарования и потерянности, потенциально наполненную деструктивными эмоциями по отношению к властным структурам. Отказ признавать постыдным определенные качества, поступки, поведенческие реакции свидетельствует о выходе индивида из общественного договора, предполагающего консенсус участвующих в нем сторон и точек соприкосновения взаимных интересов, как не оправдавшего ожиданий справедливого взаимообмена присущими им потенциалами между гражданином и обществом. По этой причине он начинает восприниматься враждебным и заслуживает, по мнению маргинальной личности, разрушения. В такой ситуации деструкция становится единственной целью и средством самоосуществления, что представляет угрозу политической сфере, насыщая ее агрессивными тенденциями, выражающимися в дискредитации общезначимых ценностей, присущих данному сообществу.

Идентификация «своих» и «чужих» в архаических культурах осуществлялась через почитание сакральных артефактов, абсолютизацию принятых обычаев и племенной организации, благоговение перед политической и религиозной элитой. Выполнение принятых правил служило определяющим критерием самореализации человека и регулировалось групповой ответственностью, подразумевавшей тотальный контроль за каждым. Система табуирования регламентировала взаимоотношения между соплеменниками, не допуская отступления от общепринятого, тем самым выполняла функцию сохранения данной социальной системы. Нарушение принятых обычаев лишало статуса незыблемости властные полномочия племенной элиты. В условиях непрекращающихся войн, природных катастроф подобное принимало характер всеобщей угрозы. «Цель табу является изолировать определенные категории лиц от всего мира, чтобы их не достигла или от них не исходила внушающая страх духовная опасность» [17, с. 254]. В такой ситуации бесстыдный поступок представлялся как проявление индивидуальной патологии, а маргинальное поведение, как модель самореализации человека, становилось невозможным. Оно не имело возможностей и условий воплощения – личностного пространства, необходимой свободы, поведенческой альтернативы, так как моральная и социальная составляющие были тождественны благодаря узам кровного родства и религиозных убеждений, а индивидуальные интересы поглощались общественными.

Так, в период становления гражданского общества в Древней Греции изменяется ракурс социальных отношений: коллективное начало, признанное большинством доминантой мировоззрения, сталкивается с проявлениями индивидуальной свободы, предполагающей самостоятельный выбор ценностей и модусов поведения. Чувство долга перед согражданами предписывало человеку выполнять установившиеся моральные обязательства, сложившиеся в результате патриотической сопричастности населения. Самооценка индивида опиралась на общественное признание его заслуг и усилий, направленных на достижение всеобщего блага. Пренебрежительное отношение к нравственным принципам расценивалось как вызов государственной системе, существование которой зависело от единства в понимании гражданами своих моральных и политических обязательств. Киническое учение разделяло естественную сущность индивида и искусственные притязания общества. Маргинальное поведение, в котором человеческое низводилось до животного, наносило оскорбление общественной морали и тем самым унижало гражданское достоинство, воспитанное в духе коллективного взаимоуважения. Несогласие с существующим миропорядком оборачивалось презрением основ социального бытия. Бесстыдство в данном контексте есть противопоставление негативного морального чувствованияи политической реальности, раскрывается в абсурдных формах поведения, которые должны подчеркнуть несоответствие заявленного статуса гражданина его конкретному воплощению в условиях нарастающего материального расслоения и своекорыстия властных элит. Отказ от условностей, принятых в обществе, являлся попыткой самоизоляции, устранения из социального взаимодействия, и на этом основании гражданин перестает воспринимать себя частью целого. Демонстрация нелепости общепринятых принципов поведения принимала характер издевательства над патриотическими ценностями (мужество, самопожертвование, стремление к общественной славе и лидерству, дисциплинированность), что вселяло растерянность в общественное умонастроение и трактовалось как слабость государства, неспособного защитить гражданские идеалы. «Знатное происхождение, славу и прочее подобное он (Диоген из Синопа – *А. М.*) высмеивал, называя все это прикрасами порока. Единственным истинным государством он считал весь мир. Он говорил, что жены должны быть общими и отрицал законный брак… Нет ничего дурного в том, чтобы украсть что-нибудь из храма или отведать мяса любого животного: даже питаться человеческим мясом не будет преступно, как явствует из обычаев других народов» [10, с. 257]. Публичное пренебрежение моральными ограничениями в условиях главенства коллективной морали порождало недоверие в легитимности политических процессов, происходящих в государстве. Маргинальное сознание отвергало инициативы по реформированию общественного устройства, гражданскую активность, жертвенность во имя других, так как ставило под сомнение справедливое распределение результатов этой деятельности, формируя тенденцию аполитичности, не совпадающую с национальными интересами.

В Средние века четкая стратификация общества, регламентируемая знатностью рода, местом проживания, профессией, определяла специфику форм поведения и способы социализации. Выполнение корпоративных правил являлось основанием взаимопомощи, солидарности, коммуникации внутри группы, отступление от них лишало индивида поддержки и средств выживания. Нравственные установки совпадали с церковными заповедями и поддерживались государством, образуя неразделимый комплекс ценностей. Маргинальная направленность в виде сознательного устранения из общей деятельности или бесстыдного поведения, оскорбляющего общественные нравы, истолковывалась в таких условиях, как воздействие темных сил, связанное с недостатком религиозного рвения. Все, что не укладывалось в общепринятые положения, представлялось опасностью для остальных. Невозможность реализовать собственную свободу в силу стратифицированной зависимости становится невозможностью реализовать маргинальное поведение, локальные случаи которого рассматривались в медицинской сфере или в церковном суде. «Показательно, что в течение долгого времени за индивидом вообще не признавалось право на существование в его единичной неповторимости. Ни в искусстве, ни в литературе не изображался человек в его частных свойствах» [5, с. 261]. Групповая и церковная принадлежность – единственная реальность, которой исчерпывался мир средневекового человека, в ней не были представлены возможности варьирования собственной индивидуальностью и трансляции несовпадающего с большинством мнения. В противном случае человек вытеснялся из социума

и принимал статус изгоя. Жесткая структурированность социального пространства отвечала пришедшей из римского права максиме: «Что касается всех, должно быть одобрено всеми».

Попрание Божественных и человеческих законов в философии маркиза де Сада можно интерпретировать как маргинальный проект, осуществленный на платформе социального одиночества. Атеизм, откровенная аморальность, криминальные действия объединяются в виде вызова стереотипам поведения, санкционированным государством и церковью. Выражение агрессивного богохульства разрывает взаимосвязь индивида с верой, а через это и с теми, кто ее поддерживает. Маргинальная личность сознательно провоцирует окружающих относительно наиболее значимых, а в некоторых случаях и священных положений, рассматривая подобное как способ предъявления уникальности, свободной от унифицированных запретов. Ложь, тщеславие, лицемерие, принятые в качестве обязательной компоненты межличностных коммуникаций, содействуют формированию альтернативной позиции, в которой социальное отождествляется со злом, а поступки должны демонстрировать противоположную по смыслу направленность. В своем творчестве маркиз де Сад нарушает условности и отменяет договор об умолчании, поэтому оно приобретает статус постыдного по мнению окружающих. Вызывающая откровенность выступает средством разрушения мира, оказавшегося враждебным, не понимающим и не принимающим непохожую на других личность. «Чего я больше всего хотел, так это того, чтобы кто-то хотя бы раз сопоставил жизнь несчастных жертв, которых здесь держат под замком, и подлости тех, кто за ними надзирает, тогда мы бы посмотрели, кто больше достоин распоряжаться ключами от истины» [16, с. 243]. Негативная посылка маргинального сознания о фальшивости общества предполагает вывод о том, что оно не имеет права осуждать нарушающего его положения, в противном случае, следует протест, принимающий форму публичного бесстыдства, когда моральное сложно отделить от политического.

Насыщение французского общества идеями Просвещения, главной из которых являлась свобода, мотивировало личность к поиску новых форм самовыражения, принимающих гипертрофированный характер отрицания старого уклада жизни (что было свойственно и русским нигилистам во второй половине XIX века). Недоверие к нравственным устоям общества имманентно содержит тенденцию к их разрушению. Маргинальная личность апробирует через демонстрацию бесстыдства варианты личностного сопротивления, перенося их в сферы искусства, науки, политики и формирует ситуацию конфликта с властью. Посягая на обязательные принципы социального порядка (общественная мораль, семейные отношения, традиционная религия), индивид транслирует свое недовольство в виде маргинальных проявлений государству, и, благодаря этому, становится частью политического процесса.

В конце XVII века в Англии в словесный обиход вошли понятия «либертин» и «либертинизм».Они совпадали в смысловом контексте и обозначали поведение, противоречащее общепринятым нормам. Акцент делался на отрицание моральных ограничений в бытовой жизни. Их появление было связано с национальным скандалом, вызванным непристойным поведением придворных при дворе короля Стюарта. В общественном мнение причиной подобного стал выход «Левиафана» Томаса Гоббса, в котором описывался «естественный человек» с безграничной свободой в достижении удовольствий и своеволием, не связанным социальными запретами. Мораль в понимании либертинов отождествлялась с обществом, а в случае его неприятия – она отвергалась. В логике тех, кто противопоставлял себя общественным нравам, раскрывался феномен отторжения социальной системы, как чуждой и не совпадающей по ценностным ориентирам. Распущенность противоречила пуританским нравам, принятым во времена диктатуры Кромвеля и принимала характер политической демонстрации, означающей разрыв с завоеваниями английской буржуазной революции. «Гоббс был “либертином”, потому что он отрицал религию, а придворные были “либертины”, потому что вели аморальную жизнь. Критики Гоббса пытались показать, что второй тип “либертина” – результат первого, что аморальное поведение придворных было воодушевлено свободомыслием Гоббса» [20, с. 134]. Примечательно, что подобный образ жизни кардинально расходился с протестантскими установками о целях существования и способах его достижения, в числе которых целомудрие, бережливость, трудолюбие. Бесстыдство придворных преобразовывалось в модель отношений с обществом, построенную на принципах автономного существования, признающего в качестве демаркационной линии пренебрежение моральными, религиозными

и политическими ценностями, принятыми большинством населения.

Переустройство общества, вызванное революционными потрясениями, предполагает ценностные перемены, охватывающие все сферы социальной коммуникации. Вытеснение прежних моральных положений и утверждение новаторских принципов во взаимоотношениях между гражданами являлось частью радикального реформирования государственной системы, продиктованной новыми целями общественного развития. Идеологические максимы (буквально понятые) формировали стереотипы поведения, в которых выражалось признание победивших политических сил и противопоставление прошлому, ассоциирующееся с реакционной частью истории. Основные нравственные понятия, ориентированные на прежние ценностные установки, вступали в противоречие с логикой революционной борьбы, поэтому понятия постыдного и допустимого в моральной сфере нуждались в качественном преобразовании. Общество «Долой стыд», возникшее в Советской России в начале 20-х годов XX века, рассматривало свое предназначение в освобождении человека, занятого строительством социализма, от буржуазных условностей, что должно было ускорить формирование нового типа личности и, следовательно, приближение светлого будущего. Шествия и собрания его членов (как правило, студентов и молодых рабочих) в обнаженном виде, низведение отношений между полами до физиологической функциональности призваны были продемонстрировать нетерпимость к религиозной морали, неприятию мещанских нравов, оппортунизму политических деятелей, не отказавшихся от дореволюционных приличий. В данной ситуации маргинальное поведение определялось импульсом разрушения незыблемого в нравственности (человеческая телесность и ее проявления признавались религией и обществом сокровенной областью), исторически свойственного гражданскому противостоянию. Пафос революционной борьбы подчиняет моральное политическому, а фактическим выражением политических пристрастий становится знаковое несогласие с прежними запретами, в число которых входит постыдное. Маргинальное поведение в данном случае есть смысловое отражение тотального разрушения прежних основ жизни. Неспособность большинства населения принять новые нравы и страх дискредитации политической линии заставляет власть перевести подобные инициативы в разряд маргинального поведения с последующим осуждением. «Демонстративное презрение членов общества к общепринятым нормам морали, ценимым даже в пораженном аномией социуме, не могло не вызвать справедливого гнева со стороны партийно-советского руководства и привести к пресечению полового “голого” акционизма “бесстыдников”» [2, с. 294–296].

Маргинальная модель поведения, сформировавшаяся в результате конфликта индивида с общественными предписаниями, включает ряд положений, проявляющихся в условиях морально-политической конфронтации в социуме. Несогласие с утвердившимися стереотипами коммуникации мотивирует личность к отказу от участия в общезначимой деятельности по причине утраты объединяющих с сообществом ценностных ориентиров или расхождения в их понимании. Восприятие общественной системы как чуждой и враждебной становится основанием сознательного обособления от нее и раскрывается в действиях, которые должны продемонстрировать отрицательное отношение к наиболее почитаемым в социуме принципам и артефактам, прибегая к проявлениям бесстыдства, оскорбительного для сограждан. Чувство стыда перестает выступать сдерживающим фактором деструктивных изъявлений, так как действия маргинальной личности выстраиваются вопреки общественному мнению, которое транслирует моральные ограничения, что должно подчеркнуть ситуацию тотального разрыва с сообществом. Маргинальная личность использует данный способ самовыражения в качестве идентификационного кода в противостоянии с государством, возлагая на него вину за несовершенное устройство социальной системы. Таким образом, созданное бесстыдным поведением моральное противоречие с принятым кодексом действий и мировоззренческих установок переносится в политическую сферу и выступает как вызов институтам власти. Отрицание принятой морали концентрируется в открытом или латентном протесте против существующих норм социальной коммуникации, которое может служить символом несогласия с актуальными процессами, происходящими в обществе. Оно может также принимать формы политического противостояния, завуалированного под виды свободного искусства, самореализации, поиска новых оснований межличностного взаимодействия. Социальная самоизоляция генерирует накопление агрессии по причине утраты контактов с обществом, что представляет угрозу общественным нормам,

принципам, настроениям. Анализ общественного взаимодействия в период архаичной истории и Средних веков позволяет выдвинуть предположение, что взаимозависимость, сложившаяся в результате борьбы за выживание и всеобщая религиозная взаимоответственность практически исключают проявления маргинального поведения, так как социальная структура, связанная общезначимой идеей, не допускает предпосылок для его формирования. Свободный выбор ценностных ориентиров способствует разобщенности общества, желанию утвердить собственную уникальность и объектом критики и противодействия выступают моральные прерогативы как содержащие запреты. Механизм социального функционирования логически переводит эти замечания в политическое пространство. Тождественность этих сфер в маргинальном сознании абсолютизируется. Активное взаимодействие государства и гражданского общества в устранении причин (формализация отношений, расхождение декларируемого и реального, официальная ложь, нарушение социальных гарантий), препятствующих консолидации социума, минимизирует риски проявления маргинального поведения.

1. Атоян А. И. Маргинальность и право // Социально-политический журнал. 1994. № 7. С. 158–161.

2. Багдасарян С. Д. Быт, труд и семья крестьян в эпоху НЭПа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы. Новочеркасск : Лик, 2015. 312 с.

3. Бауман З. Философия и постмодернистская социология : пер. с англ. // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 46–62.

4. Гилинский Я. И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социс. 1991. № 4. С. 72–79.

5. Гофф Жак ле. Цивилизация средневекового Запада : пер. с фр. М. : Прогресс, 1992. 373 с.

6. Жене Ж. Дневник вора : пер. с фр. М. : Текст, 1994. 252 с.

7. Ермолаева Е. П. Психология профессионального маргинала в социально-значимых видах труда // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 5. С. 69–75.

8. Каганский В. Л. Вопросы о пространстве маргинального // Новое литературное обозрение. 1999. № 3. С. 52–62.

9. Камю А. Бунтующий человек : пер. с фр. М. : Изд-во политической литературы, 1990. 415 с.

10. Лаэртский Д. О жизни, учениях, изречениях знаменитых философов : пер. с древнегреч. М. : Мысль, 1979. 620 с.

11. Логачева С. М. Феномен маргинальности в культуре : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2002.

12. Нечаева О. В. Правовые аспекты маргинальности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

13. Никитин А. А. Маргинальное поведение личности как объект теоретико-правового исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

14. Осипова О. С. Девиантное поведение: благо или зло // Социс. 1998. № 9. С. 106–110.

15. Сартр Ж.-П. Герострат : пер. с фр. М. : Республика, 1992. 222 с.

16. Сад Маркиз де. Письма вечного узника: пер. с фр. М. : Эксмо, 2005. 606 с.

17. Скрипник А. П. Моральное зло в истории и культуре. М. : Изд-во политической литературы, 1992. 351 с.

18. Степаненко Р. Ф. Генезис общеправовой теории маргинальности. Казань : Ун-т управления «Тисби», 2012. 268 с.

19. Goldberg Ch.A. Robert Park,s marginal man: the career of a concept in American sociology // Laboratorium. 2012. Vol. 4, no. 2. Pp. 199–217.

20. Mintz S.I. The hunting of Leviathan. The seventeenth – century reactions to the materialism and moral philosophy of Tomas Hobbes. Cambridge, 1962. P. 134.

21. Stonequist E.V. The marginal man. A study in personality and culture conflict. New York, 1961.

References

1. Atoyan A.I. (1994) *Sotsialno-politicheskiy zhurnal,* no. 7, pp. 158–161 [in Rus].

2. Bagdasaryan S.D. (2015) Byt, trud I semya krestyan v epokhu NEPa: istoricheskaya povsednevnost yuzhno-rossiyskoy derevni v 1920-e gody. Novocherkassk, Lik, 312 p. [in Rus].

3. Bauman Z. (1993) *Voprosy philosophii,* no. 3, pp. 46–62 [in Rus].

4. Gilinskiy Ya.I. (1991) *Sotsis,* no. 4, pp. 72–79 [in Rus].

5. Gof J.Le. Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada. Moscow, Progress, 373 p. [in Rus].

6. Zhene Zh. (1994) Dnevnik vora. Moscow, Text, 252 p. [in Rus].

7. Ermolaeva E.P.(2001) *Psikhologicheskiy zhurnal,* no. 5, pp. 69–75 [in Rus].

8. Kaganskiy V.L. (1999) *Novoe literaturnoye obozreniye,* no. 3, pp. 52–62 [in Rus].

9. Kamyu A. Buntuyushchiy chelovek. Moscow, Politizdat, 415 p. [in Rus].

10. Laertskiy D. (1979) O zhizni, ucheniyakh, izrecheniyakh znamenitykh philosophov. Moscow, Mysl, 620 p. [in Rus].

11. Logacheva S.M. (2007) Phenomen marginalnosti v culture [The phenomenon of marginality in culture]. Abstract of thesis. Voronezh [in Rus].

12. Nechaeva O.V. (2006) Pravovye aspekty marginalnosti [Legal aspects of marginality]. Abstract of thesis. N. Novgorod [in Rus].

13. Nikitin A.A. (2006) Marginalnoe povedenie lichnosti kak obekt teoretiko-pravovogo issledovaniya [Marginal behavior of the individual as an object of theoretical and legal research]. Abstract of thesis. Saratov [in Rus].

14. Osipova O.S. (1998) *Sotsis, n*o. 9, pp. 106–110 [in Rus].

15. Sartr J.P. (1992) Gerostrat. Moscow, Republic, 222 p. [in Rus].

16. Sad Markiz de. (2005) Pisma vechnogo uznika. Moscow, Eksmo, 606 p. [in Rus].

17. Skripnik A.P. (1992) Moralnoye zlo v istorii i culture. Moscow, Politizdat, 351 p. [in Rus].

18. Stepanenko R.F. (2012) Genezis obshchepravovoy teorii marginalnosti. Kazan, University of Management of Tisbee, 268 p. [in Rus].

19. Goldberg Ch. A. (2012) *Laboratorium*, Vol. 4(2), pp. 199–217 [in Eng].

20. Mintz S.I. (1962) The hunting of Leviathan. The seventeenth – century reactions to the materialism and moral philosophy of Tomas Hobbes. Cambridge [in Eng].

21. Stonequist E.V. (1961) The marginal man. A study in personality and culture conflict. New York [in Eng].

For citing: Mironov A.V.
Marginal behavior in terms of moral and political confrontation //
Socium i vlast'. 2018. № 2 (70). P. 34–41.

UDC 1:3 + 177.8

MARGINAL BEHAVIOR IN TERMS OF MORAL AND POLITICAL CONFRONTATION

Mironov Andrey Vladimirovich,
Sevastopol State University,
Institute of Social Sciences
and International Relations,
Professor of the Department Chair
of Political Sciences and International Relations,
Doctor of Philosophy, Associate Professor.
The Russian Federation, 299053,
Sevastopol, Universitetskaya Street, 33.
E-mail: andreyvmironov@gmail.com

Annotation
The author considers peculiarities of establishing marginal model of behavior formed as a result of a person's moral and political confrontation with a social system through negating common valuable standards of social communication; structural components of the given phenomenon, reasons for establishing and peculiarities of development are pointed out. The emphasis is laid on a social solitude of a marginal person, arising as a result of disagreement between valuable parameters of individual and social existence. The author gives historical examples in which peculiarities of manifesting impudence in a person's behavior as a symbol of personal political disagreement with accepted social norms. Model of marginal behavior is treated in connection with negating moral principles and latent political protest.

Key concepts:
marginal person,
self-isolation,
moral and political confrontation,
impudence,
social solitude.